САМИЗДАТ ВЕЧЕН!

Эти заметки на тему русского самиздата появились в результате замечательной беседы с дипломником журфака Удмуртского государственного университета. Василий Запривода – он, исследователь темы – позвонил мне и мы славно прогулялись по местному парку, беседуя. Диктофон Василия протокольно зафиксировал сказанное. Первичную обработку материала – расшифровку – сделал он сам. А я, получив набранный текст, прошелся по нему уже редакторским образом. Мне кажется, читающей публике будет любопытно взглянуть на этот опыт свободного осмысления нашей общей жизни.

Самиздат существовал во все времена, независимо от существования цензуры. Самиздат есть состояние души человека, состояние вечной оппозиции. Оппозиции по отношению к общественному строю, к мышлению большинства. Самиздат - форма протеста диссидента, но нельзя думать, что она единственна. Всего лишь одна из многих. На определенном отрезке времени Самиздат оказался наиболее технически удобным и наиболее заметным для окружающих способом информационного сопротивления. К тому же, в отличие от многих других форм протеста, он имеет документирующую подоплеку. Именно благодаря документальному подтверждению имеется возможность изучения самиздата как явления.

Смысл самиздата - назначение новых рамок себе и своим действиям, т.е. это всегда борьба с системой, любой системой. В советское время инструментом системы была цензура, номенклатура, господствующая идеология. В настоящее время нет господствующей идеологии, казалось бы, нет и цензуры. На практике все не так - сталкиваешься с огромными трудностями. Например, свежие идеи воспринимаются как агрессия. Человек пугается. Нетипичное, многовариантное высказывание наталкивается на глухую защиту - не только в редакциях, но и в приватной беседе. Матрица жизни стала проще, чем была, и тема Самиздата по-прежнему продолжает оставаться очень интересной - в этой матрице вновь ищутся новые выходы. Советская цензура – это, прежде всего, "Облит": слежение, перечень допустимого и недопустимого, конкретный список что можно, что нельзя, который, собственно, и выстраивал людей в подчиненную цепочку.

Над человеком всегда довлел страх. Генетически. Изначально его привила религия, от нее «устрашенные» перепрыгнули к боязни государственной системы. Всегда существовало две спекуляции: торговля страхом, и торговля панацеей от страха. Религия - отличный бизнес-проект. То же самое и с политикой, только в меньших масштабах. Сегодня внешней цензуры, перечня, что можно, а что нельзя вроде бы нет, но имперские вертикали власти существуют, и это помогает держать людей в подчинении. Например - удивительный приказ для

номенклатурных работников. Краткая схема: для рядовых граждан, для нас с вами существует КЗОТ, и если на работе к нам плохо отнеслись, то мы можем подать в суд, потребовать выходное пособие, апеллировать к механизму справедливости, общественному мнению и т.д. И имеем реальную возможность выиграть! Однако номенклатурная часть социально-общественного механизма подчиняется совершенно другим законам. А именно: КЗОТ на них не действует, есть специальное распоряжение из центра - эти работники назначаются "по специальному контракту". Казалось бы, там все то же самое, но, кроме одного пункта - человек может быть уволен без объяснения причин и без предварительного уведомления. Тот, кто подписывает этот контракт, боится всего. Люди из руководства, даже уровня министров, признают, что они никогда не говорят «я думаю», говорят иначе – «есть мнение», «я предлагаю». Это конкретный сегодняшний механизм. Паралич страха. Абсолют не инициативности – это абсолют исполнительности.

Именно в конце 90-х вернулись времена Салтыкова-Щедрина. Человек, не имеющий собственной определенности, всегда будет искать то, за что можно держаться, будет искать твердь физическую и символическую, чтобы кормить детей, иметь стабильную работу и прогнозировать свое будущее. Чем он согласен за это заплатить? Тем, что ему подсунут твердые убеждения, твердый заработок, и это вполне заменит ему твердь интеллектуальную и твердь духовную. Все, солдат упакован, осталось только клонировать.

Эта повторяющаяся схема похожа на школьный опыт с магнитными опилками - лист бумаги, магнит и железные опилки. Стоит опилки слегка потрясти, и они располагаются по каким-то невидимым силовым линиям. А если вдруг случилось таки потрясение? Начинается жажда новой жизни по-русски? «Опилки» времен, идей и быта перемешиваются в хаосе, и, о, чудо, - после очередного 17-го года они ложатся аккурат в те же линии.

Аналогично они легли и после 91 года. То же будет и потом.

Этот русский фатум и порождает феномен Самиздата - когда несвобода заключается в превосходстве внешних обстоятельств над законами того мира, который находится внутри человека. Он задавлен архетипами "что мне, больше всех надо", "да ты тут самый умный", "на мой век хватит". Это закладывается с самого рождения, с детства, это - короткая жизнь, это - разрезанная культурная ветвь памяти.

Архетипы - дополнительные штрихи глубины нашей внутренней, в которых человек, вырастая, почему-то не принадлежит себе. Нормальный обыватель для уверенной жизни всегда нуждается в том, чтобы его «взяли», чтобы он вошел в эту систему; он ее любит и хочет твердой руки. И он не любит диссидентов, которые эту систему разрушают. Ах, диссидент! Кто такой диссидент? Он, видите ли, понимает, что, черт возьми, его личная жизнь принадлежит только ему, а не какому-то государству, что патриотизм - это внутри него, а не гипнотическая клятва, данная снаружи... Все неформальные вещи,

которыми управляются действия нашей практической жизни, - они должны «вырабатываться» самостоятельно. Этому, собственно, и учил Самиздат. Как только появляется такой "генератор", в мутной социальной воде он служит маячком для ориентира, но как только вода просветляется - он же ее и мутит.

Инквизиция была, есть и будет. Деятели, призывающие обладать собой, выражающие это в печатной продукции, поступках, на митингах, призывах, либо как-то иначе, привлекают внимание, являются объектами повышенной социальной светимости, причем светимости не срежиссированной, а самостоятельной. Они светятся не отраженным светом, а своим собственным. Как это проявлялось? В советское время понятно - в рамках этакого русского страдания, то есть, находишь себе крест, влезаешь на него, тебя прибивают гвоздями и.... смерть на миру красна. В какой то момент истории крестов на всех не хватило, диссиденты перекусались между собой. У каждого появилась своя мысль, у каждого была своя степень свободы, и на наш взгляд ,они «закессонили», как водолазы, которых неожиданно и слишком резко подняли. Внешняя среда перестала давить, а они привыкли бороться с ней - как следствие, они лопнули, вскипели от своих страстей, оттого, что вся их жизнь была нацелена на то, чтобы уравновесить, скомпенсировать адское внешнее давление. Борцы создавали внутри себя колоссальное контрдавление, которое их же в надутых дураков и превратило, едва в стране наступил идеологический вакуум.

Поэтому судьба диссидента, судьба самиздатовца, при условии, что он «односмысленный» и в политическом понимании «нетекучий», печальна и легко читаема, и мало чем отличается от судьбы жесткого государственника, потому что «жесткий самиздатовец» сам подписывает себе смертный приговор, если государство изменится. Распад государства и - диссидент никому не нужен. То есть, он пассионарно ценен только в этом общественном строе и нигде больше. Часто человек при отсутствии таланта шел в самиздат, чтобы хоть как-то выделиться, в этом был его единственный шанс. Если же человек и в самом деле талантлив, то плевать ему на время, плевать на государство, даже на собственную жизнь, он - посланец темы, он существует и работает в ней! Одновременно он является инструментом, благодаря которому спонсирует Тему собственной жизнью и воплощает на Земле некую идею. Но это уже самиздат неба. Это - инструмент наития, инструмент прогресса, вбрасывания новых идей, точка социального катарсиса, когда позитивные смутьяны привлекают к себе абсолютное внимание и меняют саму мотивацию, сам образ жизни. Прививают иной образ бытия: "Во имя чего?". В мире идей всегда возникала жесточайшая естественная конкуренция. Вот то поле, в котором феномен самиздата никогда не умрет.

Суть самиздата - самиздатовская личность. Где же искать сегодняшний самиздат? В самом человеке, он всегда там был. Мы знаем Самиздат по его проявлениям. Но изначально зерно возникает в самом

человеке, - он рождает в себе контрмир. Все живущее идет путем зерна. (По Ходасевичу). Появилось новое зерно, и что?! Все «идут в ногу», а новенький - нет. Но он точно знает, что он прав. Новое просто выпадает из действующего времени. Здесь у него нет материала, оно реально несет в себе некую новизну, новые степени свободы, но не может новизну эту объяснить... Увы, потребуются старые термины, старые люди, старые методы, чтобы описать таки эту невидимую силовую магнитную линию. Иную в уже известном! Заплатить за этот трюк придется, скорее всего, своей собственной жизнью. На костре или в рассрочку. И только после этого надеяться: услышат или нет? взойдет ли зерно? Вот похожий пример: дерево роняет семена, их тысячи, какие-то сгниют, став удобрением, кого-то склюют птицы, кого-то унесет ветер, - нет ни единого шанса, что они взойдут все. Все – не взойдут! Люди, приносящие новое зерно, новых самих себя - это хорошо.

Когда в условиях некоей страны нет устойчивого собственного образа, когда страна обладает подражательной ментальностью, появляется "вечный" вопрос: "С кем биться?". Одно дело, когда человек бьется с запретом на слово, с закрытыми границами, недо-знаниями, с колючей проволокой, наконец. А как биться с неустоявшимся образом жизни? Петр I насаждал картофель и кофе. Еще до него - позвали варягов (по Карамзину) со своим образом жизни. Позже была французская мода, немецкие идеи. Сейчас появился американский порядок - понятно, что и этот образ не на век, а всего лишь очередное подражание.

Диссидент – это сегодня любой настоящий этнос, борец за непрерывную культурную ветвь, просто хороший человек, генератор культурных новаций, деятель, человек, экологичный в эмоциональной и нравственной части своей жизни. Сегодня образовался устойчивый крен в рациональность. Выгода стала очередной «национальной идеей», которая нивелировала человеческую жизнь до нуля. Когда во время войны во Вьетнаме американского президента спросили: "Сколько стоит человеческая жизнь?", он не задумываясь назвал цену: «Один доллар семнадцать центов» - столько стоил винтовочный патрон.

В условиях сегодняшнего «мотивационного хаоса» жизни, диссидентов следует искать вне рациональности, сейчас они находятся в зачаточной фазе, возможно, что и не родятся и не поднимутся. А это означает гибель страны, ни больше, ни меньше, так как нет необходимейших эволюционно-социальных «дрожжей». Можно вывести в аксиому: самиздат является необходимым атрибутом существования государства. Поэтому, неважно в каком виде, но пока государство существует, существует и диссидентство, в различной форме.

Где фронт борьбы? Пожалуйста. Ментальный захват в России налицо, идет преобразование голов, душ, сердец, воспитывается новое поколение. Гитлер воевал с Россией танками – проиграл; сейчас воюют грантами, тренингами и управляемыми поощрениями. Тот, кто неспособен жить и развиваться в этом направлении, отсекается

экономической цензовой дистанцией и, чаще всего, погибает, спивается, например, или теряет персональный инициативный импульс. Процесс, который происходит сейчас - это не процесс ассимиляции, это - оккупация. Обычно страна шла на страну порохом и железом, но пришло время, когда образ идет на образ.

Диссиденты, самиздат - это антифашистское движение 30-х годов внутри Германии, движение сопротивления, партизанские отряды. Сравнений много! В каждом конкретном времени – свое проявление самости. Без этого не интересно. История придет к растительному нулю. Что ж, за один короткий человеческий век можно, пожалуй, найти ответы даже на сакраментальные вопросы: "Что делать?", "Кто виноват?". Правда, ответы будут тоже временные и спорные, поскольку их легко покрывает и смущает вопрос: "Куда жить?", - вектор жизни, стрела, направленность, устраивающая всех и вся.

Вот на этом самом «куда» русская нация и поймалась. Ее, как слона за хобот, водят кому не лень, и куда не лень. Это - дополнительная пища, энергия, современное развлечение любителям самиздатовских качелей, на которых качаются бунтари. Прогресс, несомненно, побеждает: уже не виселицы. И еще нюанс: диссидент - это не террорист, не взрыватель. Он болеет за всех, чтобы жить комфортно, ему, во что бы то ни стало, нужно изменить среду вокруг, но сделать это не в его силах… И он просто транслирует то, что ему удалось изменить внутри себя, -- посредством любых форм самиздата. К слову сказать, невелико различие между диссидентом-эмигрантом, и тем, который остался здесь. Всюду и всегда битва за себя оборачивалась битвой с другими. Все ныне изменилось до полной инверсии. Гипотетических «других» почти не стало, мир стал слишком уж прозрачен для «прямого переливания» образов жизни. Остается в этой свободе последняя схватка – с самим собой за себя самого. Религиозный финал…

У социального процесса -- диссидентства -- есть благородная сверхзадача замешанная на жертве, гибели, испытаниях. Каждая эпоха формирует этих «отщепенцев» со знаком "плюс", и они составляют удивительное ядро нации, неважно, эмигрировали они или нет. Существовали «поганцы», которые спекулировали на этом «плюсе», заявлялись во всеуслышание банальные бузотеры, эгоисты, психически больные люди, но существовали и те, которые подчинялись непреложности внутренних сил; они словно чувствовали некую свою миссию и не могли жить иначе. Они, чаще всего, не встречались между собой, жили за несколько тысяч километров друг от друга, однако составляли некое виртуальное ядро общества, сами того не подозревая. Пройдет двадцать, тридцать, сорок лет, очередная эпоха закончится, этим людям поставят памятники, будут ими гордиться - в России покойников любят, правда, потом и памятники могут разрушить.

Это сплочение, это ядро очень похоже на процесс возникновения… искусственного алмаза. Ужасное по силе внешнее давление, и, о, чудо, из мягкого, мажущегося графита появляется алмаз.

Сдавливаешь его - алмаз, не трогаешь - остается куском угля, такие разные материалы при одинаковой структуре. Диссиденты – алмазы тоталитаризма.

Действующий диссидент останется диссидентом при любом общественном строе. Правда, окончание определенной эпохи может его убить, сделав заодно известным. В чем и как проявляется сегодня атакующая внешняя среда? Она - есть фактор уничтожения другого, новейшего рода: безразличие, равнодушие, аморфность, невостребованность. Человек закрывается сам в себе и медленно, но верно гниет. Кого-то спасает Интернет, кто-то создает востребованность сам для себя, изобретает некое подобие творчества в различных прикладных проявлениях.

Сегодня другая эпоха не по календарю – в мире допустимой идеологии. Цензура существует, но другого уровня. Убеждения сейчас никого не интересуют. Возможно, существуют аппараты, прослушивающие телефоны, читающие электронные письма, но – этот интерес банальный: деньги, связи, влияние, информация, имеющий ценность компромат.

Может быть, нынешний диссидент гнездится не в голове, как раньше, и не в сердце, как еще раньше, а, уж совсем просто - в кармане, в бумажнике?!

Вокруг этой темы можно сколько угодно философствовать, ясно одно: в результате самиздата получается нестандартный человек.

Можно ли утверждать, что независимо от того, в каком обществе человек родился и воспитался, существует предрасположенность, фатум, и он в любом случае будет диссидентом, вечным оппозиционером? Вопрос риторический. Утверждать мы не можем, вероятнее всего, диссидента, все же, рождает среда обитания плюс, конечно же, события, общение.

Самиздат, как трава, пробивающаяся сквозь асфальт: казалось бы, ничего нового произойти не может, но - сначала появляются трещинки, потом ростки пробивают себе все более широкую дорогу. Пока мысли-трава маленькие, они живут свободно, станут большими - будут уничтожены. Во времена окаменевшего государства Российского не печатали Некрасова, пытались судить Гоголя, Салтыкова-Щедрина…

Диссидентство - явление, порожденное энтропией системы государства. Оно, как религиозный догмат, например, раз и навсегда определяет «истину». Это – духовная и интеллектуальная смерть, но жизнь сильнее смерти, она вновь и вновь будет зарождаться и расшатывать застывшее. Все идеологические схемы претендуют на истину в последней инстанции, даже советская, которая во многом повторила православие («заветы отцов наших и дедов» передавать в неизменности). Советская система взяла с православия кальку, сильно ее урезала, но применила те же самые схемы. Религию в древности откровенно использовали «для снижения культурного уровня населения», применяли как механизм управления толпами. Как же

сохранить себя в толпе? «Могучие кучки» одаренных личностей в царские времена – не тот ли самый островок свободы?!

Самиздат - тема вечная, самиздата не бывает бывшего. Как тема свободы, существовала и будет существовать. Можно рассматривать его только в различные периоды истории - как встряхиваются пресловутые «опилки» и как они вновь ложатся. История России - замкнутый круг: проблемы остаются одни и те же. Мы знаем, где лежат грабли, знаем, когда мы на них наступим, и как нам попадет, знаем, что мы на это скажем, но... это ничего не меняет.

Диссиденты - люди, которые *использовали себя*, чтобы продвинуть в жизни что-то. Абсолютное большинство людей используют что-то, или кого-то, чтобы *продвинуть себя*.

А как же знаменитые акты самосожжения на площадях? -- Не более, чем истерический бросок; человек, делающий подобное, слаб, он -- дезертир, а не воин, бедняжка, очарованный чувством собственной правоты; это – игрок в крайности, привлекающий к себе внимание, бросающий на сукно жизни последний джокер -- смерть. По-сути, это -- мотив мести миру и к диссидентству он не имеет никакого отношения.

Как ни крутись, все сводится к неутешительному фокусу: сегодняшняя среда, нынешние времена - начало идеологии по имени «выгода», когда без государственного окрика нивелировались все нравственные ценности. Русские люди опять, в который уже раз, оказались в идиотской ситуации, - в положении внутренней эмиграции, они вынуждены хранить Родину в себе, потому что Родина снаружи их не хранит, а убивает. Это новейшее наше государство, эта среда являются идеальным местом для роста новой волны диссидентства, и мы уверены, что скоро об этом услышит мир.

Со времени начала нового, демократического периода, прошло два десятка лет, и, небось, следует таки ожидать появления новой старой формы протеста. В каком виде она проявится, еще неизвестно. В форме самиздата в Интернете? Бездарных погромов? Национал-патриотизма? Религиозной бесовщины? Вирусных атак? Вранья о правде или правды о вранье? Наверняка, через несколько десятков лет будут новые дипломные проекты и диссертации, посвященные нео-подвижникам – духовному диссиденству начала 3-го тысячелетия.

Свободное содержание прошлого встретилось с бесформенностью настоящего. Господа диссиденты! Битва с крепостными стенами осталась позади, впереди – битва с пустотой.